

Мария Вель

*Обещания
на коже*

18+

Мария Вель

Обещание на коже

«Автор»

2026

Вель М.

Обещание на коже / М. Вель — «Автор», 2026

После выставки, где они оба вынуждены играть в "правильно", у Анны и Кирилла срывается последняя маска. Оказывается, дело не только в желании - они готовы выбирать друг друга даже там, где страшно, неудобно и нельзя "объяснить красиво". Но чем дольше они возвращаются к жизни по-новому, тем яснее становится: прежняя дистанция для них больше не работает. И тогда возникает главный вопрос - смогут ли они удержать обещание не только ночью, но и в каждом обычном дне?

© Вель М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тишина, в которой слышно больше	5
Глава 2. Пересечение в деталях	12
Глава 3. Ночь перед открытием	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Мария Вель

Обещание на коже

Глава 1. Тишина, в которой слышно больше

Анна Воронцова вошла в студию так, как входят в зал суда: без лишних движений, с собранной спиной и с лицом, которое не позволяло себе ни сомнения, ни слабости. Впрочем, сегодня слабость была не нужна - здесь и так было достаточно напряжения, только оно пока не имело имени.

Внутри пахло лаком, влажной тканью задников и металлом - как пахнет город после дождя, когда он ещё не остыл, но уже готов к ночи. Над головой висели лампы, пока не включенные, а световые шины ждали команд. Пустое пространство казалось слишком честным: каждый след на полу, каждая складка на баннере, каждая отметка малярным скотчем была на виду.

Анна открыла планшет, пролиستала чертежи и на секунду задержала взгляд на зеркальной панели, где отражались и она, и часть зала - как двойник, которому нельзя доверять. Она всегда так делала: проверяла себя снаружи, прежде чем доверять плану.

– Вы рано, - раздался голос откуда-то сбоку.

Анна не обернулась сразу. Она знала этот тембр. Кирилл Соколов, дизайнер, который умел смотреть на пространство так, будто оно - живое. Он не торопил события и не суетился. Это раздражало в людях меньше, чем обещало. В Кирилле раздражения не было вовсе - была точность. А точность иногда бывает хуже резкости: от неё нельзя спрятаться.

– Я не люблю ждать, - ответила Анна, наконец поворачиваясь.

Кирилл стоял у стола с образцами материалов. На нём была тёмная рубашка, расстёгнутая ровно настолько, чтобы выглядеть естественно - но не настолько, чтобы скрывать намерение. Он держал в руках небольшой отрез свето-поглощающей ткани и вертел его на пальцах, как будто проверял не материал, а настроение.

У Анны впервые за день появилось ощущение, что она попала не на встречу по проекту, а в сцену, где всё уже давно началось.

– Я тоже, - сказал Кирилл. - Просто у меня был лишний один пункт.

Он поднял ткань повыше, и Анна увидела, как она ловит и гасит свет. В его движениях было то самое спокойствие, которое не оправдывается. Анна заметила: Кирилл смотрит не на лицо, а на реакцию - как будто читает её по микро-движениям, по дыханию, по тому, где она делает паузу.

– Пункт? - уточнила Анна.

– Поворот конструкции на три градуса, - он произнёс это легко, как будто речь о мелочи, но в этом "легко" было обещание: он уже сделал выбор, а ей осталось либо принять, либо возразить.

Анна чуть наклонила голову. Три градуса — это не мало. Это тот тип изменений, который меняет человека в кадре: зритель будет смотреть иначе, поймёт смысл иначе, почувствует другое.

– Покажите, - попросила она.

Кирилл кивнул и подошёл ближе. Непозволительно близко - настолько, что Анна уловила запах его кожи: чуть горький, с древесной нотой. Она не знала, как это бывает у людей. Но у него это было - не парфюм для эффекта, а запах живого присутствия.

Кирилл взял её планшет так, словно это продолжение её рук. Коснулся пальцами края - коротко, уверенно. Анна почувствовала не касание само по себе, а электрическую тропинку, которая возникла между ними. Ей захотелось отступить - и одновременно остаться. Это было похоже на попытку удержать дыхание, когда понимаешь: воздух всё равно закончится.

– Вот, - Кирилл наклонился над планшетом. - Смотрите: линия входа смещается, и первое впечатление становится тише.

Анна подняла взгляд - и встретила с его глазами. Они были внимательные, тёплые и чуть прищуренные, как у человека, который видит не сцену, а её последствия. В этих глазах было нечто невыразимое словами, но в словах можно было спрятать что-то слишком откровенное. И Кирилл, казалось, умел не прятать, а обходить запретные темы так близко, что их всё равно становилось невозможно не почувствовать.

– Тише? - повторила Анна, чтобы выиграть секунду.

– Да. Сначала зритель словно слушает. А потом - понимает, что его уже "пригласили". Ему остаётся только пойти.

Анна хотела ответить строго и по делу. Она действительно попробовала. Но вместо этого в голове вспыхнуло другое: приглашение можно услышать и без слов.

– У вас слишком театральный подход, - сказала она и заметила, как это прозвучало не обвинением, а вызовом.

Кирилл улыбнулся одним уголком губ.

– А у вас слишком строгая внутренняя режиссура, Анна Сергеевна. Вы держите всё, чтобы не дать себе почувствовать.

Она вздрогнула - почти незаметно. Он произнёс её имя так, как произносят признание: спокойно, будто давно знал ответ. И хотя в фразе не было прямого намёка, он попал точно в то место, где у неё обычно прятались сомнения.

– Вы ошибаетесь, - сказала Анна.

– Возможно, - Кирилл отстранился и встал напротив, но расстояние всё равно не стало безопасным. - Тогда давайте проверим.

Он снова указал на планшет, но теперь не касался. Его пальцы зависли над поверхностью, как будто он держал невидимую нить между ними. Анна ощущала эту нить кожей - даже без прямого контакта.

– Три градуса, - повторила она медленно. - Вы уверены?

– В уверенности есть спокойствие, - ответил он. - Но спокойствие бывает разным. С вашим оно напряжённое.

Анна не стала спорить. Не потому, что согласилась. Потому что внутри поднялось раздражающее тепло - то самое, что не имеет отношения к работе и поэтому кажется опасным.

Они пошли по залу. Анна шла чуть впереди, фиксируя взглядом расстояния, линии, перспективу. Кирилл следовал сбоку - так близко, что разница в шаге становилась заметной. Когда она меняла темп, он подстраивался. Когда останавливалась - он останавливался вместе с ней. Это могло быть профессиональной привычкой. Но Анна не могла отделить её от другого смысла.

У прозрачной стены он остановился и протянул руку - чтобы поправить крепление, почти невидимое.

Казалось бы, ничего. Простое действие. Он слегка коснулся её предплечья. Тепло прошло вверх по коже - как если бы она долго держала холодный предмет, а потом мгновенно прижала к груди.

Анна резко вдохнула. Голос сорвался:

– Осторожнее.

– Я осторожен, - сказал Кирилл, и в этих словах было не оправдание, а уверенность. - Вы просто слишком быстро реагируете.

Анна могла бы отступить. Но вместо этого удержалась - и почувствовала, что тоже стала реагировать на него. Это было худшее: желание начали проявляться не извне, а изнутри.

– Реакция - часть работы, - выдавила она.

Кирилл посмотрел на её лицо так, будто проверял: она шутит или правда считает это формальным. Потом он отпустил крепление и сделал шаг назад, предоставляя ей свободу - и одновременно лишая её опоры. Анна заметила: его шаг назад - не расстояние, а мера контроля. Он умел останавливаться. И этим умел управлять.

– Хорошо, - сказала Анна. - Давайте пересчитаем.

– Мы уже пересчитали, - мягко заметил Кирилл.

Именно в этот момент Анна поняла: он пришёл не "обсудить". Он пришёл "взять ответственность" за её сомнения. И, возможно, - за её скрытое нежелание признаться, что она устала быть железной.

В тишине студии часы на стене щёлкали слишком громко. Анна слышала их, хотя обычно не замечала. Рядом Кирилл говорил - но слова растворялись в паузах. В каждой паузе было больше обещания, чем в любой реплике.

– Вы часто так смотрите? - вдруг спросила Анна, сама удивившись вопросу.

Кирилл чуть наклонил голову, как будто не понял, что именно она спрашивает.

– Как?

– Так, будто - Анна не смогла закончить. Слова казались неловкими, неуместными, слишком прямыми.

Кирилл посмотрел на неё дольше. Потом ответил:

– Я смотрю так, как будто вы - не фигура на плане. Вы - человек. И вы не привыкли, чтобы на вас смотрели без задачи.

Анна замерла. В груди поднялась волна, которую она не смогла назвать. Ей хотелось рассмеяться, чтобы сбить эффект, но вместо смеха из горла вышел только тихий выдох:

– И что вам от меня нужно?

Кирилл не ответил сразу. Он сделал шаг к ней - медленно, без резкости. Анна не отстранилась. Она почувствовала, как её спина словно "соглашается" на близость, хотя ум всё ещё пытался спорить.

– Мне нужно, чтобы вы перестали быть внимательной к себе в ущерб себе, - сказал он наконец. - На минуту. Только на минуту.

Это было слишком похоже на интимность, чтобы звучать нормально. И слишком похоже на заботу, чтобы казаться угрозой.

Анна отвела взгляд, потому что в его глазах она увидела то, что не ожидала увидеть: не просто интерес. Сдерживаемую близость, желание, которое он удерживает усилием воли - и которое, вероятно, будет держаться только до тех пор, пока она тоже будет держаться.

– Вы преувеличиваете, - попыталась она снова.

– Возможно, - повторил Кирилл. - Но вы уже почувствовали разницу. Вы чувствуете, когда я рядом.

Анна сглотнула. Она не хотела говорить "да". Но тело сказала "да" раньше неё: пульс ускорился, ладони стали тёплыми, а дыхание - слишком заметным.

Кирилл протянул руку. На этот раз он не коснулся сразу. Он остановился в сантиметрах от её пальцев, и Анна ощутила, как её собственная кожа тянется к его касанию - вопреки логике, вопреки привычке держать дистанцию.

– Можно? - спросил он.

Слово "можно" прозвучало не формально, а как часть его контроля. Анна понимала: он не обязан, но спрашивает. Это делало ситуацию опаснее. Ведь опасно было не то, что он возьмёт. Опасно было, что она - захочет отдать.

Она подняла взгляд и сказала тихо, почти не слышно:

– Проверьте.

Кирилл коснулся её пальцев - одним лёгким нажатием. Это не было обещанием. Это было подтверждением: "я могу, и вы тоже можете". Анна ощутила, как по телу прошла дрожь - не от страха, а от узнавания. Её собственное желание словно получило право на голос.

– Вот, - сказал Кирилл, и в его голосе появилось мягкое удовлетворение. - Вы реагируете.

– Вы намеренно - Анна не договорила.

– Нет, - он покачал головой. - Я просто честен. А с вашей честностью, Анна, сложно притворяться профессионалом.

Она хотела отступить на шаг - но Кирилл опустил ладонь ниже, к её запястью, и на этот раз коснулся уже уверенно. Его пальцы обхватили её тонко, без давления, но так, что Анна почувствовала: удерживают не физически, а вниманием.

– Не бойтесь, - сказал он.

Её лицо, кажется, стало теплее. Она не знала, куда деть взгляд. В студии всё оставалось тем же - стены, лампы, чертежи. Но воздух поменялся. Он стал плотнее, словно между ними появилась невидимая ткань, из которой нельзя было выскользнуть.

– Я не боюсь, - ответила Анна.

Кирилл улыбнулся. На этот раз - полностью.

– Тогда почему вы так держитесь за контроль?

Анна вдохнула - слишком глубоко - и поняла, что ответ ей не нужен. Ответ уже читается на её коже, в том, как она не отстраняется, как стоит ближе, чем позволяет приличие.

Кирилл наклонился и коснулся губами её виска - там, где пульс заметнее всего. Касание было лёгким, почти невесомым, но оно будто развернуло внутри Анны целую сцену. Она не вздрогнула - она "распалась" на мгновение: потеряла способность держать себя собранной.

Анна выдохнула имя Кирилла так, как выдыхают признание. И тут же попыталась собрать себя обратно - потому что это было слишком. Слишком близко. Слишком личное.

– Мы не обсуждали - начала она.

– Мы уже обсуждали, - мягко прервал он. - Просто вы слушали не слова. Вы слушали взгляды.

Анна резко подняла глаза, и их контакт снова стал не разговором - электричеством. Кирилл смотрел так, будто принимал её ответ. Будто ждал момента, когда она перестанет сопротивляться не ему - а самой себе.

Секунда растянулась. Анна чувствовала, как её дыхание становится неровным, как тело учится новой географии близости. И всё вокруг вдруг стало фоном - не важным, не мешающим.

Кирилл медленно повернул её руку ладонью вверх, так, как поворачивают страницу: чтобы узнать, что там дальше. Его пальцы на секунду задержались на её запястье - и Анна ощутила, как по коже пробежала тёплая волна, отдающаяся в шее. Она услышала себя: голос стал ниже, спокойнее - словно ей дали право быть не только правильной, но и живой.

– Кирилл - произнесла она. Это прозвучало как просьба и как граница одновременно.

– Я здесь, - сказал он.

Его ладонь на мгновение легла ей на талию - поверх одежды, но достаточно близко, чтобы Анна почувствовала: он держит. Не для того, чтобы давить. Для того, чтобы направлять. И в этом было неожиданное сочетание нежности и властности. Нежность - потому что касание бережное. Властность - потому что он не спрашивает "позволено ли", а предлагает "куда".

Анна ощутила, как её контроль начинает трещать. Не ломаться грубо - просто расходиться, как тонкая нить, которая держится на терпении.

– Мы можем остановиться, - сказал Кирилл, и голос его стал тише, как будто он сам боялся спугнуть то, что между ними рождается. - Скажите - и я отойду.

Анна подняла руку и коснулась его груди - там, где под тканью угадывался ритм. Она почувствовала тепло и ровную силу, будто он не просто стоял, а держал весь этот зал на одной тонкой оси. Её пальцы дрогнули - и этим дрожанием она ответила честнее слов.

– Не надо, - сказала она.

Кирилл замер на секунду, будто проверяя: она сказала это действительно. Потом его дыхание стало ближе. Он наклонился, и их лбы встретились мягко, почти ласково. Анна закрыла глаза - впервые за весь день, впервые позволила себе не контролировать взгляд.

Внутри началась буря. Не шумная - глубокая, как море, которое не видно, но которое слышно по вибрации берега. Анна почувствовала, как её ладонь скользит по ткани его рубашки. Ей хотелось удержать его ближе, сильнее - но она не могла позволить себе грубость. Она была слишком осторожной, слишком привыкшей быть "правильной". И всё же осторожность была уже не спасением.

Поцелуй пришёл не резко - он стал продолжением паузы. Кирилл поцеловал её так, будто слушал: подтверждал каждое её "да" вниманием, каждую дрожь - терпением. Анна ответила - не сразу, а глубже, чем ожидала от себя. В какой-то момент контроль перестал быть стеной и стал дверью.

Когда он отстранился, Анна была слегка запыхавшейся - не от спорта, а от внезапной потери привычной опоры. Она увидела в его взгляде то же: вызов, подтверждение, общее пони-

мание, что граница уже переступлена, но дальше всё будет происходить не по инерции, а по их внутреннему выбору.

– Это - Анна хотела сказать "это ошибка", но слова не сложились.

Кирилл улыбнулся коротко:

– Это начало.

Анна моргнула. В груди поднялось странное чувство: как будто она шагнула в воду и теперь понимает - обратно не хочется. Но ей всё ещё требовалось время, чтобы принять это не как импульс, а как реальность.

– Ваша уверенность пугает, - сказала она, пытаясь вернуть себе привычную роль.

– Хорошо, - ответил он. - Тогда я буду пугающим осторожно.

Анна фыркнула - совсем тихо, почти неслышно. В этом фыркание было облегчение: значит, она всё ещё может быть собой, даже когда внутри - шторм.

Они вернулись к работе только спустя несколько минут. Но теперь Анна смотрела на пространство иначе: не как на задачу, а как на обещание. Линии и углы перестали быть цифрами. Они стали способами приблизить друг к другу взгляды, жесты, дыхание.

Перед уходом Анна обернулась у двери. Кирилл стоял чуть поодаль, но это было хуже - теперь она видела его как целостность, а не как отдельные детали. И ей казалось, что между ними всё ещё висит невидимая нить - та самая, которая началась с касания планшета.

– Завтра, - сказал Кирилл. - Я заеду.

Анна не спросила "зачем". Вопросы стали бы ложью. Она кивнула - и почувствовала, что этот кивок тоже наполнен смыслом.

– До завтра, Кирилл, - ответила она.

Он задержал на ней взгляд ещё на секунду, слишком долгую для простой вежливости. Потом отступил, как человек, который не хочет разрушить тонкую вещь резким движением.

Анна вышла в коридор и только там поняла, что руки дрожат. Она сжала их в кулаки - не чтобы остановить дрожь, а чтобы понять: это реальность. Это не сон и не игра.

И всё же, пока она спускалась по лестнице, внутри оставалась тишина - но уже не ступидная, не пустая.

Тишина, в которой слышно больше.

И в которой Анна впервые за долгое время позволила себе ждать.

Глава 2. Пересечение в деталях

Встретились они не в холле и не в коридоре, как обычно встречаются люди, которые держат себя на расстоянии. Анна увидела Кирилла в рабочей зоне - там, где свет решал, что будет видно, а что станет лишь намёком. Он стоял у стойки с лампами и держал в руках маленький пульт, будто это был не прибор, а ключ.

Анна подошла почти бесшумно. Она давно научилась ходить так, чтобы не потревожить пространство, но сейчас это умение казалось лишним: Кирилл всё равно поднял глаза, будто уже знал, как именно она входит.

– Вы не спали? - спросил он без обвинения.

Анна остановилась в метре от него.

– Я не умею спать "просто так", - ответила она. - Зато умею исправлять ошибки.

– Прекрасно, - сказал Кирилл. - Тогда исправим вначале одно: вы опять пытаетесь держать дистанцию так, будто это часть архитектуры.

Анна едва заметно улыбнулась - не потому, что ему поверила, а потому что он попал в точку. С утра у неё оставалось чувство, что вчерашняя близость была не событием, а поворотом. Теперь поворот требовал продолжения - и одновременно пугал.

Кирилл кивнул на пустой фрагмент стены, где должны были появиться световые контуры.

– Смотрите сюда, - произнёс он и чуть повернулся так, чтобы между ними не было прямой "линии" - он будто создавал ей комфорт, но делал это так, чтобы комфорт не становился свободой.

Анна подошла ближе. На секунду ей показалось, что сейчас они снова обменяются словами, которые смогут замаскировать их настоящее намерение. Но Кирилл вместо этого протянул руку - и коснулся края панели рядом с её плечом.

Касание было случайным только для внешнего наблюдателя. Для Анны это стало сигналом: рука Кирилла прошла рядом с её кожей - настолько близко, что тепла не хватило бы на заметный контакт, но хватило на реакцию тела. Она почувствовала, как внутри откликнулось знакомое, почти запрещённое напряжение.

– Вот, - сказал Кирилл. - Если сместить контур на полтора градуса он станет как разговор без слов. Не давит. Но ведёт.

– Полтора, - повторила Анна, автоматически переключаясь в профессиональный режим.

Кирилл улыбнулся.

– Видите? Вы слушаете. Не меня - задачу.

Он отложил пульт, и Анна заметила: пальцы у него были тёплые. Слишком тёплые для утреннего холода в студии.

– Ладно, - сказала она. - Давайте проверим.

Она потянулась к креплению, но Кирилл вдруг оказался рядом. Не "подошёл", а словно занял пространство так, чтобы ей было невозможно не почувствовать, что он там. Его рука легла на рабочий край панели - рядом с её рукой. На мгновение их пальцы оказались в одном поле, но не соприкоснулись.

Анна почувствовала, как воздух между ними стал плотным - как ткань, которую тянут до предела.

– Вы всё ещё торопитесь, - произнёс Кирилл. - Вы держите инструмент, как будто обязаны справиться быстро.

– Это не торопливость, - возразила Анна. — Это привычка к эффективности.

– А иногда эффективность — это способ не чувствовать.

Анна резко подняла взгляд. Его слова не были упрёком. Они звучали как точное описание её внутренней механики.

– Вы хотите чтобы я перестала? - спросила она, и голос выдал её: он стал ниже, тише, почти интимнее, чем она планировала.

Кирилл посмотрел на её губы на секунду дольше, чем это позволено в профессиональной беседе. Потом он перевёл взгляд на её глаза - и будто вернул контроль обратно на место.

– Я хочу, чтобы вы перестали обвинять себя за то, что вы человек, - сказал он. - И чтобы вы не превращали близость в задачу.

Анна хотела отстраниться, но в этот момент Кирилл снова приблизился - чтобы показать эффект. Он едва коснулся её запястья: не удержал, не повернул, а просто отметил касанием траекторию.

От этого прикосновения Анна будто лишилась привычной опоры. Пальцы чуть расслабились, инструмент звякнул о металл.

– Извините, - сказала она автоматически.

– Не извиняйтесь, - ответил Кирилл. - Мы оба знаем, что это не ошибка. Это реакция.

Анна ощутила, как у неё загораются уши. Ей хотелось сделать вид, что ей всё равно. Но ей было не всё равно.

– Вы слишком точно замечаете, - сказала она.

– Нет, - Кирилл наклонился чуть ближе, и теперь между ними снова не было пространства для "вежливости". - Я просто не умею делать вид. Ни с вещами. Ни с людьми.

Он поднял руку и наконец коснулся не кожи, а линии на панели - провёл пальцем по маркировке. Там была еле заметная метка карандашом. Кирилл сделал движение так медленно,

что Анна успела рассмотреть его ладонь, рисунок линий на коже, то, как суставы работают под тканью рубашки.

И в этот медленный темп она попала, как в музыку, которую нельзя выключить.

– Слушайте, - сказал Кирилл. - Поднимите вот этот угол на одну отметку. И посмотрите, как изменится глубина.

Анна сделала, как он просил. Свет включился без привычного гудения - просто стал другим. Тень расширилась, контур начал "дышать". Становилось ясно: их вчерашний разговор был не про градусы, не про технику. Он был про то, как можно направлять внимание.

Анна не успела вдохнуть - слишком быстро, слишком резко, но она не испугалась. Она почувствовала: Кирилл заметил.

– Видите? - тихо сказал он.

Анна повернулась к нему, и их взгляды встретились так, будто между ними уже не было ни вчерашнего, ни сегодняшнего времени - только продолжение.

– Да, - сказала она. - И это неправильно.

– Что именно? - спросил Кирилл.

Анна помолчала, борясь с собой.

– То, что вы правы.

Кирилл улыбнулся - и эта улыбка была не праздной, а почти властной, как мягкое "я знаю".

– Тогда так и будет, - произнёс он. - Вы будете злиться. Но вы всё равно почувствуете.

В этот момент она заметила: у Кирилла в руке остался маркер. Он протянул его Анне, и пальцы их снова оказались близко - настолько близко, что Анна почувствовала не холод пластика, а тепло его ладони.

Маркер он отдал быстро, но не резко - словно дал возможность выбор: взять и отойти или взять и задержать касание.

Анна взяла. И не отступила на привычный шаг назад. Она почувствовала на своей коже взгляд Кирилла - как будто он прикоснулся не руками, а вниманием.

– Вы сегодня спокойнее, - заметила Анна.

– Я выспался, - ответил Кирилл и тут же добавил: - И вы не ушли вчера первой. Это тоже имеет значение.

Анна прикусила губу, но уже поздно: в её реакции было слишком много правды.

– Я не ушла первой, потому что была занята мыслями, - сказала она.

– Какими? - спросил Кирилл почти шёпотом, хотя вокруг не было никого, кто мог бы услышать.

Анна хотела ответить профессионально. Но профессиональность рассыпалась, как скотч, который сняли слишком резко.

– О том, как легко мы пересекаем границы, - сказала она наконец. - Не замечая, пока не станет поздно.

Кирилл немного отступил - ровно на полшага. И этим отступлением сделал то, что умеют только сильные люди: дал ей пространство, но оставил внутри напряжение.

– Поздно? - спросил он.

Анна смотрела на него, и в голове звучал вчерашний поцелуй - не как событие, а как предупреждение: назад дороги не было, только дальше.

– Не поздно, - ответила она. - Но опасно.

– Опасно для чего? - Кирилл поднял взгляд так, будто действительно ждал её ответа.

Анна не смогла солгать:

– Для моего контроля.

Кирилл кивнул, будто это было подтверждение их совместного договора.

– Тогда давайте сделаем контроль вашим союзником, а не тюрьмой, - сказал он.

Он снова протянул руку - на этот раз не к панели, а к ней. Анна сначала замерла, но затем позволила пальцам коснуться его ладони. Касание было мягким, но уверенным. Кирилл переплёл их пальцы так легко, что Анна не успела ни испугаться, ни "собраться".

– Вот, - сказал он. - Не надо думать, как правильно. Просто почувствуйте, что вы можете.

Анна почувствовала: его большой палец едва скользнул по её косточке - осторожное движение, но оно открыло в ней что-то глубже, чем прикосновение.

Она вдохнула и услышала собственное дыхание слишком отчётливо. Внутри будто включился метроном, подстраивающийся под его близость.

– Вы сегодня - Анна не закончила.

– Опаснее? - предложил Кирилл.

– Тише, - поправила она. - Вы говорите меньше, но между словами больше.

Кирилл посмотрел на неё так, как смотрят на свет, который наконец попал в точку.

– Потому что я перестал спорить с вашей реакцией, - сказал он. - Теперь я ей доверяю.

Анна хотела возразить - но её тело сделало за неё половину. Она чуть наклонилась вперёд, и это было не намерение "сдаться", а желание подтвердить: да, между ними есть взаимность.

Кирилл накрыл её руку ладонью - чуть плотнее. И в этот момент Анна почувствовала знакомую смесь нежности и власти: не жесткость, не давление, а уверенное удержание реальности. Как будто он говорил без слов: "Я рядом. Я не отпущу. Но ты решаешь".

– Проверьте остальное, - неожиданно сказал Кирилл и отпустил панель, возвращая их к работе. - Если мы сдвинем проекцию ещё на четверть - контур будет похож на границу воды.

– Вы опять уходите в метафоры, - попыталась сухо сказать Анна. Но голос выдал её: он был слишком мягким.

Кирилл поднял бровь.

– А вы опять стараетесь быть строгой, хотя уже не уверены, что это спасает.

Анна снова взяла инструмент. Работа пошла быстрее - не потому, что она торопилась, а потому что её внимание стало острее. Она двигалась аккуратно, но каждое движение теперь было будто согласовано с Кириллом. Даже когда его руки не касались её, она ощущала присутствие как направляющее поле.

Когда свет окончательно сложился в нужную композицию, Анна замерла. Тень легла ровно. Глубина стала "вкусной", как слово, которое нашли наконец подходящее.

Она повернулась к Кириллу.

– Так хорошо, что мне хочется - она снова остановилась, понимая: лучше не говорить вслух то, что слишком ясно.

Кирилл не дал ей прятаться.

– Продолжить? - спросил он.

Анна посмотрела на его губы. Потом на глаза. Внутри дрогнуло, как перед прыжком.

– Да, - сказала она тихо. - Продолжить.

Кирилл улыбнулся - и в этой улыбке было подтверждение: их пересечение в деталях перестало быть случайностью. Оно стало языком.

Он подошёл ближе и коснулся костяшками пальцев её щеки - нежно, почти так, как касаются света, чтобы убедиться, что он живой. Анна прикрыла глаза на долю секунды. И в эту секунду поняла: её контроль не исчез - он просто научился уступать там, где это безопасно.

– После работы, - сказал Кирилл. - Не сегодня на площадке. После.

Анна открыла глаза. Слова прозвучали как условие, но тон - как обещание.

– Вы умеете ждать? - спросила она.

Кирилл наклонился так, чтобы их дыхание смешалось, но губы ещё не встретились.

– Я умею выбирать момент, - ответил он. - А момент будет, когда вы скажете "да" не из вежливости и не из страха. А из желания.

Анна сглотнула. Её сердце стучало слишком громко для пустой студии.

– Тогда не заставляйте меня ждать слишком долго, - произнесла она.

Кирилл отстранился на полшага, как человек, который уважает договор и одновременно наслаждается напряжением.

– Договорились, Анна.

И пока он выключал свет, делая зал снова обычным, Анна чувствовала: обычным он уже не станет. Не сегодня. Не после того, как детали заговорили.

Глава 3. Ночь перед открытием

Когда студия опустела, она будто перестала быть помещением и превратилась в пространство ожидания. Свет ещё держался на половинной мощности: мягкий, не режущий, он оставлял по углам тени, в которых легко прятались мысли.

Анна не ушла сразу. Она осталась потому, что не умела уходить, не завершив последнюю линию - ту самую, которая потом будет казаться зрителю идеальной просто потому, что её сделали заранее. Пальцы работали с привычной точностью, но внимание - уже нет. Внимание постоянно возвращалось к одному и тому же: к тому, как Кирилл смотрел сегодня, как почти не менялось расстояние, но менялось всё внутри него.

Часы показывали поздно, и в этот поздний час каждый звук становился слишком реальным: щелчок крепления, шорох ткани, тихий вдох самой Анны, когда она наклонялась над макетом. Ей хотелось бы думать, что это усталость. Но усталость не умеет так обострять кожу.

Она включила ещё одну лампу, поправила угол и встала, чтобы посмотреть на композицию целиком. Зал выглядел собранным, собранность была почти идеальной - и именно это раздражало: слишком легко. Слишком быстро.

Анна выключила одну из ламп, оставив контур в полутени, как на репетиции. Стало лучше. Но ощущение, будто что-то ещё не завершено, не уходило.

Телефон лежал рядом, и она не трогала его. Кирилл обещал заехать после работы. Она тогда согласилась так спокойно, словно это было частью расписания. Но теперь расписание вдруг стало личным.

В тишине раздался звук открытия двери - не громкий, но уверенный, как если бы кто-то заранее знал, что именно должен услышать. Анна не обернулась сразу. Ей хотелось доказать себе: она контролирует момент.

Вместо этого она всё равно почувствовала - по вибрации воздуха, по шагам, по тому, как меняется темп в помещении, когда входит Кирилл. Он ходил так, будто не желал занимать чужое пространство шумом.

– Вы всё ещё здесь, - произнёс он негромко.

Его голос был спокойным - как утром в студии, когда они говорили о градусах. Но сейчас спокойствие звучало иначе: не как уверенность человека, который просто делает своё дело, а как умение держать ситуацию в руках, пока она ещё не распалась на эмоции.

Анна повернулась.

Кирилл снял пальто, аккуратно повесил на стул, хотя стул был не его. Лицо у него было собранное, но взгляд выдавал то, что он не пытался скрыть: он пришёл не просто проверить проект. Он пришёл проверить её.

- Я закончила контуры, - сказала Анна. - Теперь очередь света.
- Свет уже понял, - ответил он и чуть наклонил голову.

Она хотела язвительно уточнить, что свет не понимает. Но вместо этого заметила мелочь: Кирилл не подошёл сразу вплотную, а остался в шаге от того места, где обычно стояла она, словно оставлял себе право отступить. Это было очень похоже на заботу. Но забота у него всегда была в форме контроля: он как будто говорил телом - "я могу", но давал ей увидеть, что "она тоже может".

- По делу? - уточнила Анна, стараясь, чтобы вопрос звучал нейтрально.

Кирилл улыбнулся коротко - такой улыбкой не отвечают на нейтральность.

- По делу, - подтвердил он. - Я принёс вам то, что нужно - и, возможно, не только это.

Он достал маленький кейс. Внутри лежали узкие образцы лент для корректировки блика. Кирилл держал их так осторожно, будто они важнее её времени. Подойдя ближе, он опустился на колени у базы одной из конструкций. Смешно было думать, что он может быть смешным - но Анна поймала себя на этом: ей хотелось улыбнуться, а вместо улыбки получился вдох.

Кирилл работал молча. Он двигался тихо, точно - не торопясь, как будто намеренно растягивал паузу. Анна слышала, как он дышит. Не громко. Но слышала.

Ей стало трудно смотреть на конструкцию, потому что внимание постоянно съезжало на него: на линию плеч, на тонкую тень от воротника, на то, как его пальцы находят нужную точку без подсказок. Она думала, что он пришёл проверить её границы только словами. Но оказалось: он делает это движениями.

- Вы меня задержали на репетиции, - вдруг сказала Анна.

Кирилл не поднял головы сразу. Он вставил ленту и только потом посмотрел на неё сверху вниз - взглядом, который невозможно было назвать дерзким. Он был уверенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.